

**КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО: РОМАН Т. ТОЛСТОЙ
«КЫСЬ» В КОНТЕКСТЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
Г. ГЕССЕ, Р. БРЭДБЕРИ, У. ЭКО**

Одна из фабульных линий романа-антиутопии Т. Толстой «Кысь» демонстрирует противостояние двух социумов – «прежнего» и «нового», обусловленное разным отношением к системе ценностей книжной культуры. Этот конфликт восходит к романам «Игра в бисер» Г. Гессе, «451° по Фаренгейту» Р. Брэдбери, «Имя розы» У. Эко. Статья посвящена анализу образов и мотивов, которые раскрывают контекстуальные связи обозначенных произведений.

Ключевые слова: книжная культура и общество, антиутопия, пародирование, аллюзии, интертекст.

В большинстве исследований, посвященных роману «Кысь» Т. Толстой, обнаруживаются и комментируются его тематические, идейные, образные, жанровые связи с произведениями фольклора, русской и мировой литературы [1]. Учитывая, что текст фактически весь состоит из цитат, перифраз, реминисценций, аллюзий, сформирован внушительный перечень «предшественников», которые «втягиваются» в интертекстуальное поле романа: Андрей Белый, И. Анненский, А. Блок, Р. Брэдбери («451 ° по Фаренгейту»), М. Булгаков («Собачье сердце», «Роковые яйца»), П. Буль («Планета обезьян»), В. Войнович («Москва 2042»), Б. Гребенщиков, С. Есенин, Е. Замятин («Мы»), Ф. Искандер («Кролики и удавы»), А. Кабаков («Невозвращенец»), М. Лермонтов, В. Маканин («Лаз»), О. Мандельштам, В. Маяковский, В. Набоков («Приглашение на казнь»), Н. Некрасов, Б. Окуджава, Д. Оруэлл («Скотный двор», «1984»), Б. Пастернак, Л. Петрушевская («Новые робинзоны»), Андрей Платонов, А. Пушкин, В. Рыбаков («Носитель культуры»), Саша Черный, Ф. Сологуб («Мелкий бес»), Л. Толстой, А. Толстой, Д. Фон-Визин, О. Хаксли («Обезьяна и сущность», «О новом дивном мире»), М. Цветаева, К. Чапек («Война с саламандрами»), А. Чехов и др.

Цель этой статьи – проанализировать «Кысь» в контексте романов «Игра в бисер» (1943) Г. Гессе, «451° по Фаренгейту» (1953) Р. Брэдбери, «Имя розы» У. Эко (1980). Все названные произведения «замаскированы» под разные жанры (роман-биография, антиутопия, детектив), но идейно и тематически родственны. В них проблемы социального и политического устройства жизни общества тесно связаны с вопросами развития цивилизации, сфор-

мированной на книжных ценностях. На наш взгляд, для текста Т. Толстой, который начинается с азбуки и заканчивается призывом ее учить, такой подход обоснован и может помочь разобраться в оригинальной творческой концепции писателя.

В романе «Кысь» Т. Толстая описывает жизнь города Федор-Кузьмичск через 300 лет после Взрыва. Среди обитателей этого города есть «Прежние» (люди, которые жили еще до катастрофы и пытаются сохранить память о прежнем миропорядке), «перерожденцы» (те же «Прежние», но не помнящие прошлого) и основное население – рожденные уже после катастрофы мутанты. Старопечатных книг в городе не читают, опасаясь заразиться от них какой-то болезнью. Однако покупают свитки с «перебеленными» в рабочей избе фрагментами древних книг, которые считаются сочинениями главного мурзы. Развитие действия романа и его кульминация связаны с эволюцией главного героя, Бенедикта, от простого переписчика «произведений» Федора Кузьмича до страстного, но бездумного читателя старопечатных книг и санитара, который эти книги у народа изымает. Основной конфликт разворачивается вокруг его дружбы-вражды с одним из Прежних – Никитой Ивановичем, который требует от Бенедикта не только чтения, но и понимания, мысли, да к тому же – ощущения некоего нравственного Закона вне себя и в себе.

Мир, выстроенный Т. Толстой, это мир, обладающий некими артефактами, собранными на останках прежней цивилизации, но не имеющий представления об их истинной сути и значении. Образы, которые помогают вскрыть его порочность, это образы книги, рукописи, скриптория, переписчика, библиотеки, библиотекаря – всего того, что символизирует в сознании человека интеллектуальную и духовную зрелость общества. Именно этот концепт сближает «Кысь» с романами Г. Гессе, Р. Брэдбери, У. Эко.

В романе Г. Гессе «Игра в бисер» перед читателем также предстает вымышленный мир «из будущего». Он относительно благополучен, но только потому, что люди в определенный момент поняли: высокие истины в головах неучей, обывателей и потребителей похлеще любого оружия. Поэтому интеллектуальная элита и простые смертные живут порознь. Наука и искусство «законсервированы» в пределах некой касталийской республики. Метания ученика, а затем и магистра Ордена Игры Иозефа Кнехта между двумя этими общинами – основа сюжетной линии романа.

Произведения Г. Гессе и Р. Брэдбери «451° по Фаренгейту» разделяет одно десятилетие. Но в антиутопии американского писателя постепенное выхолащивание интеллектуальных ресурсов общества до определенного «интеллектуального стандарта» имеет более плачевные последствия: агрессивное большинство побеждает, в результате чего книги сжигают, а их хра-

нителее уничтожают или отправляют на лечение. Но где-то вдали от города живут люди, которые заучивают книги наизусть и таким образом собираются донести их до потомков. Задача главного героя романа пожарника Монтэга – сделать свой выбор между двумя этими мирами.

Можно или нельзя любое книжное слово выпустить из лабиринта библиотеки и отдать простолюдину, чем это может закончиться – крахом веры или просвещением и утверждением гуманистических ценностей? Эти вопросы – предмет споров героев романа У. Эко «Имя розы». Распутывая вереницу таинственных убийств, совершенных в одном из средневековых монастырей, главный герой романа Вильгельм понимает, что все они совершены из-за второго тома «Поэтики» Аристотеля, который тщательно скрывает некий брат Хорхе.

Таким образом, идейная близость четырех романов очевидна. Попробуем проследить, какие мотивы и образы маркируют эту линию родства.

Буквы и «мир наизнанку». Жизнеописание Иозефа Кнехта в «Игре в бисер» заканчивается книгой его стихотворений, одно из которых – «Буквы». В нем очерчен конфликт не только романа Г. Гессе, но и «Кыси». Письмо – величайшее изобретение человечества, но в руках дикаря оно обладает не созидательной, а разрушающей силой: «Но если бы дикарь иль марсианин / Вперился взглядом в наши письма, / Ему б узор их чуден был и странен, / Неведомая, дивная страна, / Чужой, волшебный мир ему б открылись, / И перед ним не А, не Б теперь, / А ноги б, руки, лапы копошились, / Шел человек, за зверем гнался б зверь... / И вскрикнул бы дикарь. И губы сами / Запричитали б, и, тоской объятый / Несносною, он робкими руками / Развел костер, бумагу с письмами / Огню принес бы в жертву, и тогда-то, / Почувствовав, наверное, как вспять / В небытие уходит морок зыбкий, / Дикарь бы успокоился опять, / Вздыхнул бы сладко и расцвел улыбкой» [3, 387].

Переписчик Бенедикт Т. Толстой в большинстве случаев не понимает смысла воспроизводимых им текстов, и, тем не менее, рукопись наполнена для него вереницей причудливых образов: буква «о» – окно, через которое можно увидеть лес, «п» – дверной проем, «ж» – преграда, «щ» – хвост, «ч» – стул перевернутый, «г» – крюк. Но главный герой «Кыси» – дикарь, он не знает «суммы правил для игры» с буквами, не способен соотнести свой жизненный опыт с тем, что кроется за значением знаков, и в результате, кроме тревоги и мучений, не получает ни от чтения, ни от переписывания ничего.

Мотивы создания рукописи, отношения к письму и букве в романе Т. Толстой аллегорично связаны и с текстом У. Эко. В «Имени розы» читатель знакомится с оформленным братом Адельмом списком Псалтыри, где линии и завитушки букв благодаря стараниям иллюминатора также превращаются в диковинные миниатюры: «На полях Псалтыри был показан не тот мир, к

которому привыкли наши чувства, а вывернутый наизнанку... лукавый рассказ о мире вверх тормашками, где псы бегут от зайцев, а лани гонят львов. Головки на птичьих ножках, звери с человеческими руками, вывернутыми на спину... существа со змеиными шеями, заплетенными в тысячу невозможных узлов, обезьяны с рогами оленя, перепончатокрылые сирены, безрукие люди, у которых на спине, как горбы, растут другие люди, и тела с зубастыми ртами пониже пупа, и люди с конскими головами... коровы с петушьими хвостами, с мотылевыми крыльями, жены с лицами чешуйчатыми, словно рыбы бока... Где-то буква инициала сверху образовывала L, снизу оканчивалась драконьим задом; где-то заглавная V, открывавшая слово «Verba», пускала около себя, как виноград пускает лозы, тысячекольцев змей... Обитатели перевернутого мира, где замки стоят на кончиках башен, а земля находится на небе» [5, 79].

Этот «мир наоборот» – это мир сопровождающего список Псалтыри бестиария. Но не будет преувеличением сказать, что это и мир героев Т. Толстой, «последствия» которых будто списаны с этого образца: «У кого руки словно зеленой мукой обметаны, будто он в хлебеде рылся, у кого жабры; у иного гребень петушиный али еще что. А бывает, что никаких Последствий нет, разве к старости прыщи из глаз попрут, а не то в укромном месте борода расти учнет до самых до колен. Или на коленях ноздри вскочат» [2, 34].

Описание мира, вывернутого наизнанку, есть и у Р. Брэдбери: его пожарные вместо того, чтобы тушить пожары, разжигают их, и размышление об этом парадоксе – один из лейтмотивов романа. Но Т. Толстая актуализирует в сознании читателя именно бестиарные мотивы У. Эко, тем самым напоминая о ключевой дискуссии «Имени розы»: можно ли путем дурачества, смеха, гротесковости, шутовства говорить о высоких материях, или все это таит в себе опасность попрания истины.

Азбука, поиск книги книг и воспитание в себе человека, умение «различать». Сходны в романах Т. Толстой и Г. Гессе беседы «ученика» и «учителя», когда первый спрашивает, в какой же книге нет противоречий, но есть истина. «Везде одно противоречит другому, – восклицает Кнехт. – Все можно толковать и так, и эдак... Неужели нет истины?..» На что мастер отвечает: «Истина есть, дорогой мой! Но... стремиться надо тебе... вовсе не к какому-то совершенному учению, а к совершенствованию себя самого. Божество в тебе, а не в понятиях и книгах» [3, 84].

Точно так же Бенедикт, запутавшись окончательно в противоречиях непонятых чужих фраз, в конце романа вопрошает у Никиты Ивановича: «Книгу-то эту где искать?.. Где все сказано!» И получает ответ: «Азбуку учи! Азбуку! Сто раз повторял! Без азбуки не прочтешь!» [2, 279].

Ответ Никиты Ивановича более многослоен, чем лаконичное предписание мастера. Тут и наставление учиться, совершенствоваться, мыслить. Тут и намек на Книгу Книг, Библию, знакомство с которой и у целых народов, и у каждого человека в школе начиналось именно с азбуки. Тут и в определенном смысле игра с читателем. Почему бы ему, читателю, на самом деле не задуматься над тем, зачем каждый раздел озаглавлен буквой с соответствующим ей словом-дескриптором, и не попытаться «прочитать», что же такое «Кысь»? Если учесть, что «к» – «како», «ы» – «одухотворенный», «с» – «слово», «ь» – «сокровенный, скрытый», то название романа выглядит так: «О том, как одухотворенное (истинное) слово сокровенно (скрыто)».

Косвенным доказательством возможности такой игры-головоломки в тексте романа могут быть некоторые параллели с «Именем розы»: Вильгельм, разгадывая секретную азбуку Венанция и код библиотеки, понимает, что «каждая комната обозначена буквой алфавита, а все вместе они образуют какой-то текст, а какой – мы обязаны дознаться» [5, 135]. И это разгадывание приводит и героев романа, и читателя не к чему-нибудь, а к искомой книге.

Мотив познания через азбуку неотделим от еще одного, который условно можно назвать «умение “различать”».

В «Кыси» есть курьезный эпизод, когда Никита Иванович просит Бенедикта прочесть, что написано на столбе, символически обозначающем Никитские ворота. Тот же просто называет все, что видит: «“Никитские ворота”, матерных семь слов, картинку матерную, Глеб плюс Клава, еще пять матерных, “Тута был Витя”, “Нет в жизни счастья”, матерных три, “Захар – пес” и еще одна картинка матерная».

«Когда же ты научишься различать!!!» – возмущен Никита Иванович. Для него ведь, человека прежней эпохи, «тут стояли Никитские ворота... Тут был Пушкин!» Но для «неандертала» Бенедикта «Тут был Витя!!!» [2, 282].

Не то, чтобы новый человек не умел ничего: он отличает, например, крапиву от дергуна, чего, к слову, не могут Прежние. Просто система знаков и ценностей другая. И в этой системе утеряны духовные ориентиры, а предпочтение отдается только житейским, потребительским вещам.

Важную роль играет мотив «различения» и в романе Р. Брэдбери. Здесь также есть эпизод с беседой «учителя» и «ученика» о познании истины через книгу. Однако раскаявшийся пожарник Монтэг не ищет Книгу Книг, ведь к старику Фаберу он пришел уже с Библией в руках. «Я хочу, чтобы вы научили меня понимать то, что я читаю» – вот чего он требует.

Ответ Фабера напоминает советы мастера из «Игры» и Никиты Ивановича, и Вильгельма: он предлагает искать истину в себе и в мире. А еще Фабер рекомендует Монтэгу читать не просто книги, а книги, «обладающие каче-

ством», потому что только они предопределяют «качество знаний». И только человек, вобравший в себя эти знания, способен победить книгу «силой разума». То есть Р. Брэдбери, как, впрочем, и Г. Гессе, У. Эко, и Т. Толстая проговаривают таки сокровенное: книга неопасна только в пределах определенной системы духовных координат.

«Закат Европы». В «Кыси» Никита Иванович в одном из эпизодов проносит своего рода «программную» речь с вполне узнаваемыми формулами – «закат Европы», «гибель богов»: «В эти трудные годы, – каменный век, закат Европы, гибель богов и все то, что мы с вами пережили... инструкция к мясорубочке-то не менее ценна, чем папирус Александрийской библиотеки!» [2, 195]. Эта явная аллюзия, отсылающая читателя к идеям Р. Вагнера, Ф. Ницше, О. Шпенглера, настойчиво повторяется во всех произведениях, которые мы анализируем.

Так, в «Игре в бисер» читаем: «молодость и творческая пора нашей культуры прошли... наступили ее старость и сумерки... Зазвучала, как в одной чудесной китайской сказке, “музыка гибели”... погибают не только искусство, дух, нравственность, честность, но даже Европа и “мир” вообще» [3, 33].

Тот же мотив воспроизводит Р. Бэдбери: «мы могли бы создать школу и сызнова учить людей читать и мыслить... Но все это капля в море. Вся наша культура мертва» [4, 49].

К рассуждениям об определенных цивилизационных изменениях постоянно возвращаются и герои У. Эко: «Провидение так распорядилось, чтобы всесветная власть, которая при сотворении мира обреталась на востоке, постепенно с течением времени передвигалась все сильнее к закату, тем и нас извещая, что кончина света также приближается, ибо гонка событий в мире уже дошла до пределов миропорядка» [5, 215].

И если Т. Толстая упоминает формулы «закат Европы» и «гибель богов» лишь вскользь, то все ее предшественники подробно и настойчиво поясняют, что имеют в виду. И каждый из них процесс упадка связывает с процессами «демократизации», когда центр влияния в обществе перемещается от элитарных духовных институций в низовые, массовые сферы, сориентированные преимущественно на потребительские ценности.

Подобные идеи, а именно – демократизации общества как причины упадка – в «Кыси» не выражены явно. Однако скрытые отсылки именно к такому контексту есть. Во-первых, сконструированный мир находится на этапе рукописной культуры письма, но упоминаются два символа печатной эры – Никита Иванович водружает столб первопечатнику Ивану Федорову, и настойчиво звучит лейтмотив «Аксероксов нет». И печатный станок Федорова,

и ксерокс наших дней – два мощных стимула масовизации, тиражирования. Это «оружие» просвещения, скрывающее в себе вместе с тем угрозу вульгаризации существующей системы ценностей.

Во-вторых, безусловно, «говорящим» можно считать в романе Т. Толстой и имя главного героя – Бенедикт. Учитывая, какое место занимает образ Пушкина, трудно не провести параллель с одним из современников поэта – В. Бенедиктовым. Неявный, но болезненный конфликт этих писателей очень хорошо описан в статье Лидии Гинзбург, и связан он как раз социальными процессами потеснения элитного дворянского круга представителями низших сословий: «Российская публика 30-х годов – потребители и заказчики литературной продукции, сменившие избранных читателей 10-х-20-х гг. – была достаточно пестрой по своему социальному составу... Появление стихотворений Бенедиктова произвело страшный гвалт и шум не только в литературном, но и в *чиновничьем мире*... Обывательское сознание 30-х гг. неспособно было самостоятельно вырабатывать... культурные ценности, но из этого не следует, что обыватель не хотел обладать ценностями. Он стремился к „красивой жизни“, во всем вплоть до идей, и охотно пользовался упрощенными результатами чужих достижений; последнее потому, что он не создавал, а брал, и внутренняя взаимоисключаемость идей была ему непонятна. Все это готовые красивые вещи, которые можно соединить, как позднее соединялись ампир с модерном в буржуазной гостиной» [6, 160].

Взрыв. Период упадка во всех четырех анализируемых произведениях пронизан ощущением катастрофы. Кастилийское благополучие в «Игре в бисер» – результат многих жесточайших войн. Но и оно весьма шатко и неустойчиво: «скоро... наступят беспокойные времена».

Взрывом заканчивается «451° по Фаренгейту». Причем, довольно оптимистичный исход (несовершенный мир разрушен, но люди-книги где-то там, за рекой, вдали от бывшего города, сохранили в себе мудрость веков) омрачается намеками на возможность повторений: «А потом, возможно, наступит новый век тьмы и придется опять все начинать сначала... Есть надежда, что когда-нибудь мы перестанем сооружать эти дурацкие погребальные костры и кидаться в огонь. Каждое новое поколение оставляет нам людей, которые помнят об ошибках человечества» [4, 139].

Страшный пожар разрушает и библиотеку, и все аббатство в «Имени розы», но через много лет Адсон возвращается на пепелище и собирает уцелевшие пергаменты. В обрывках фраз, сохранившихся на фрагментах рукописей, он надеялся прочесть некое послание. Однако до конца жизни ему не удается понять, содержит ли собранный им «центон», «громадный акростих», «некий тайный смысл, или несколько, или множество, или никакого».

Вопрос о том, кто в этом виноват – он сам или одряхлевший мир, в котором все разучились «видеть», остается открытым.

Память о взрыве – сквозной мотив и романа «Кысь». Врывом же роман и заканчивается. Как и у Р. Брэдбери, слышим: «<Жизнь> кончена, – начнем другую». Цикличность периодов, когда предпринимаются попытки ощутить прежнее величие духа у Т. Толстой обращена в шутку. Может быть, странные Прегние с их бесполезными «центонами» чужих мыслей никому и не будут важны впредь, но они живы и умирать им просто «неохота».

Карлы. В «Кыси» наиглавнейший мурза Федор Кузьмич – небольшого роста, похож на кота. К концу романа зачинщики переворота все чаще называют его «карлой»: «Всех распустил, карла гребаный!»; «сковырнуть готов? Злодея-мучителя? Карлу проклятого?» [2, 245].

В «Имени розы» Вильгельм упоминает афоризм, часто приписываемый И. Ньютону: «Ушло умение наших предков, окончился век великанов!.. Да, мы карлики... но стоящие на плечах тех гигантов. Поэтому, даже при нашей малости, видим дальше, чем они...»; «Ученые новых дней – чаще всего карлики на плечах карликов» [5, 315].

Но еще до У. Эко эту же максиму использовал и Р. Брэдбери: «“Знание – сила! И карлик, взобравшись на плечи великана, видит дальше его!” Я же с величайшим спокойствием закончил наш спор словами: “Считать метафору доказательством, поток праздных слов источником истины, а себя оракулом – это заблуждение, свойственное всем нам”» [4, 92].

Уже зазвучали сомнения в том, что величие прошлых достижений человечества способно противостоять постоянно углубляющемуся оскудению, измельчанию, ветшанию культуры. Точно так и карлик Федор Кузьмич Т. Толстой стоит на плечах всех гигантов мысли прошлого, но это не мешает ему пребывать в уверенности, что конь – это большая мышь. Он ничего не видит и тиражирует в массах только обрывки, фрагменты чужих произведений и изобретений, которые ни для него, ни для людей уже ничего не значат.

Антихрист и Кысь. В романе Т. Толстой один из кульминационных эпизодов связан с узнаванием Бенедиктом загадочной и пугающей Кыси в себе самом: «Вы вообще, – говорит он Главному Санитару, – вы... вы... вы – кысь, вот вы кто!!!» На что получает ответ: «Я-то?.. Обозначка вышла... Кысь-то – ты» [2, 254].

В этом случае можно говорить о переключке с двумя эпизодами в «Имени розы». Во время дискуссий Хорхе и Вильгельма сначала первый восклицает: «величайший из циклов этой вселенной исходит и кончается. Кто это? О, вы прекрасно поняли, о ком я говорю! Однако не решайтесь назвать его по имени! Ибо его имя – это также и ваше! И вы боитесь его, этого имени!.. Это

Антихрист!» [5, 367]. Но чуть позже Вильгельм эти же инвективы адресует своему оппоненту: «Ты дьявол. – Я? – Ты. Тебя обманули. Дьявол – это не победа плоти. Дьявол – это высокомерие духа. Это верование без улыбки. <...> В этом лице, иссушенном ненавистью к философии, я впервые в жизни увидел лик Антихриста... Бойся, Адсон, пророков и тех, кто расположен отдать жизнь за истину. Обычно они вместе со своей отдадут жизни других. Иногда – еще до того, как отдать свою. А иногда – вместо того чтоб отдать свою» [5, 390].

Как видим, при всем понимании опасности тиражирования каких-либо знаний, наибольшим грехом считается как раз утаивание книг и консервация знаний. Это подтверждает само значение используемых слов «антихрист» («тот, кто против Альфы и Омеги, Логоса, Слова») и «кысь» (как уже было отмечено: «скрывающий слово истины»).

Кроме того, и в «Имени розы», и в «Кыси» подчеркивается, что «высокомерие духа», желание самолично обладать словом, преграждая ему путь к людям, это путь к тирании. И Хорхе, и Бенедикт в определенный момент начинают жертвовать жизнями других людей ради своих призрачных целей.

Мы охарактеризовали наиболее важные для раскрытия концепции романа «Кысь» мотивы и образы. Но в романе есть еще значительное количество таких образов-агентов, которые крепкими нитями связывают произведения Г. Гессе, Р. Брэдбери, У. Эко, Т. Толстой.

Так, безусловно, санитары «Кыси» напоминают пожарников из «451° по Фаренгейту», что отмечено в рецензиях и статьях о романе. Во всех произведениях сквозит мотив жертвования собой ради гибнущего искусства. Все, что связано с определенными библиофильскими «страстями», безусловно, роднит «Кысь», в большей степени, с «Именем розы». И там, и там библиотекари очень обеспокоены тем, чтобы кто-либо лишний раз не прикасался к книгам – не мусолил их, не слюнявил, не загибал страницы. От этого книги, мол, болеют и умирают. И именно этим оправдывается запрет на чтение. В обоих романах курьезным эпизодам расстановки книг на полках отводится значительное место. И там, и там детально описаны рукописи, скрипторий, библиотека, сами книги, сладострастие читательства. Библиотека-лабиринт Федора Кузьмича, куда ворвались Бенедикт и Кудеяр, напоминает монастырскую библиотеку-лабиринт У. Эко.

Таким образом, то, что при написании романа Т. Толстой «Кысь» контекст романов «Игра в бисер», «451° по Фаренгейту», «Имя розы» учитывался, очевидно. Приведенные аналогии лишь помогают понять весь комплекс проблем, связанных с конкретными «заимствованными» образами и мотивами. Но немаловажен вопрос и о том, с какой целью «пере-

петы» все эти давно эксплуатируемые мотивы, насколько они вторичны или переосмыслены.

Следует сказать, что произведения Г. Гессе, Р. Брэдбери, У. Эко – это попытки серьезно «обсудить» проблемы функционирования интеллектуальных ресурсов в современном мире. Каждое из них не лишено доли пафосности и основано на вере в нерушимость и истинность проповедуемых ценностей. Каждое из них создавалось в период, когда поле литературы, сфера книжной культуры сохраняли еще в обществе свой авторитет. «Мы пытаемся понять, что происходит у людей, живущих среди книг, в книгах, ради книг, и, следовательно, все, что они говорят о книгах, очень важно», – эти слова из «Имени розы» мог бы повторить, на наш взгляд, каждый из этих трех писателей.

Роман Т. Толстой – продукт уже другого времени, когда бытоустройство, политика, экономика, индустрия развлечений заняли в сознании человека гораздо большее место, чем книга. Не случайно ведь и в рецензиях на «Кысь» больше внимания уделяют, как правило, социальной, исторической, политической тематике.

Т. Толстая прекрасно осознает, что периоды «закатов» и «гибели» в русской истории уходят корнями еще в пушкинскую эпоху, в период революций XX столетия. В нынешнем веке «опрошения» и вульгаризации все это повторяется, только чем дальше – тем более в гипертрофированных формах, сама рефлексия по поводу смены ценностных ориентиров теряет свою остроту и актуальность.

Учитывая заявления писательницы и поэтику самой «Кыси», понимаем, что роман писался как шутка. На наш взгляд, шутовские, бурлескные (не собственно пародийные, а именно бурлескные) приемы помогают Т. Толстой показать, как выглядят высокие образцы интеллектуального диспута «о книге в обществе» в новой социокультурной среде.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Бесчетникова С.В. Утопия литературы в сказочно-аллегорическом романе-антиутопии Т. Толстой «Кысь» // Бесчетникова С.В. Утопическая парадигма художественного мышления переходной культурной эпохи (на материале русской прозы рубежа XX-XXI вв.) : монография. – Донецк : Лебедь, 2007. – 500 с.; Крыжановская О.Е. Антиутопическая мифопоэтическая картина мира в романе Татьяны толстой «Кысь» : Дис. ... канд. Филол. наук : 10.01.01 Тамбов, 2005; Колядич Т. Антиутопия или альтернативная фантастика? // Колядич Т. От Аксенова до Глуховского. Русский эксперимент. – М. : Олимп, 2010. – 348 с.; Пономарева О.А. «Диалогизм» романа «Кысь» Т. Толстой / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Майкоп, 2008. – 19 с.; Коллекция рецензий на роман Т. Толстой «Кысь» // Режим доступа: <http://www.guelman.ru/slava/kis/htm>. 2. Толстая

Т.Н. Кысь : роман / Т.Н. Толстая. – М. : Эксмо, 2003. – 320 с. 3. Гессе Г. Игра в бисер. – М. : Издательство «Правда», 1992. – 494 с. 4. Бредбери Р. 451° по Фаренгейту / Пер. с англ. – М. : МП «Все для вас», 1992. – 432 с. 5. Эко У. Имя розы : роман / Пер. с итал. Е. А. Костюкович. – М. : РИФ «Сказ», 1993. – 528. 6. Гинзбург Л.Я. Пушкин и Бенедиктов // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии АН СССР. – М.; Л., 1962. – С. 149-182

Харитоненко О.,

Книжкова культура і суспільство: роман Т. Толстої «Кись» в контексті творів Г. Гессе, Р. Бредбері, У. Еко

Одна з фабульних ліній роману-антиутопії Т. Толстої «Кись» демонструє протистояння двох соціумів – «колишнього» і «нового», обумовлене різним ставленням до системи цінностей книжкової культури. Цей конфлікт відсилає читача до романів «Гра в бисер» Г. Гессе, «451° за Фаренгейтом» Р. Бредбері, «Ім'я троянди» У. Еко. Стаття присвячена аналізу образів і мотивів, які розкривають контекстуальні зв'язки всіх окреслених творів.

Ключові слова: книжкова культура і суспільство, антиутопія, пародіювання, алузії, інтертекст.

Kharitonenko E.

Book culture and society: T.Tolstaya novel «Кись» in the context of the work by G. Hesse, Ray Bradbury, Umberto Eco

One of plot lines dystopian novel T.Tolstoy «Кись» shows the confrontation between the two societies – «old» and «new», due to the different attitudes to the value system of book culture. This conflict goes back to the novels «The Glass Bead Game» by G. Hesse, «451 ° F.» Ray Bradbury, «The Name of the Rose» Umberto Eco. This article analyzes the images and motifs that reveal the contextual link all the marked works.

Keywords: book culture and society, dystopia, mimicking, allusions, intertext.